

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 94 "04/15"

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-137-142

АНГЛИЙСКАЯ ПЕЧАТНАЯ БАЛЛАДА-ЭПИТАФИЯ XVI ВЕКА И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н. В. Карначук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Дается характеристика печатной баллады-эпитафии, а также краткая история ее бытования в XVI в., указывается ее место среди текстов и ритуалов, фиксировавших память современников о покойном. Особо указано на сходства и отличия печатной эпитафии в сравнении с литературной эпитафией той же эпохи. Указано, что в отличие от литературной эпитафии и надгробных надписей площадная эпитафия еще не получила должного внимания со стороны исследователей. Определяются возможности печатной эпитафии в процессе формирования исторической памяти об ушедших современниках, указывается на отдельные проявления индивидуального припоминания в источнике, преимущественно ориентированном на фиксацию публичной памяти. Выявляются некоторые социальные, гендерные и национальные черты, наиболее характерные для образа покойного в изложении печатной эпитафии и существенные для воссоздания ценностной системы английских горожан во второй половине XVI в.

Ключевые слова: Англия раннего Нового времени, социальная история, историческая память, площадная литература, эпитафия.

Фиксация образа умершего в любую эпоху является точкой пересечения личных воспоминаний о нем, хранимых членами семьи и близкими друзьями, и публичной памяти, зафиксированной в некрологах, похоронных речах и иных документах, рисующих покойного как члена социума. Эти два вида памяти – коллективная и индивидуальная, безусловно, связаны между собой, но связь их на проверку полна противоречий и неясностей, о чем размышлял Поль Рикер в работе «Память, история, забвение», говоря о необходимости поисков взаимосвязей индивидуального переживания прошлого и публичной памяти социума [1, с. 168]. Одной из особенностей публичной памяти является выкраивание образа покойного по лекалам, заданным моральными ценностями социума: превращение индивида в образец неких похвальных или отрицательных качеств. Однако, как показывают источники, сквозь публичную память проглядывает и встраивается в нее отпечаток индивидуальности припоминания, даже в те эпохи, когда механизмы памяти ориентированы преимущественно на воссоздание коллегиальных топосов. Также и сами лекала публичной памяти могут представлять большой интерес для историка, будучи наполнены актуальными социально-психологическими нюансами сознания эпохи, не индивидуальными в прямом смысле слова, но динамически меняющимися, окрашенными личным восприятием.

В Англии второй половины XVI в. окончательное формирование публичной памяти о покойном, о его личности, о его месте в земной и вечной жизни шло двумя путями. С одной стороны, существовал громоздкий ритуал оплакивания: траурная процессия, погребение, заупокойная служба и поминальная трапеза: ряд практических действий, связанных с похоронами. В указанную эпоху этот ритуал приобрел устоявшиеся формы, за соблюдением которых наблюдала Геральдическая палата. Это учреждение на протяжении XVI и XVII вв. обладало монопольным правом быть распорядителем любых похорон как знати и дворянства, так и зажиточных горожан [2, с. 26–28]. С другой стороны, публичная память фиксировалась письменными текстами, такими как надгробная эпитафия, литературные элегии на смерть, создаваемые в кругу друзей и коллег покойного, а также печатные баллады-эпитафии, предназначенные для широкого слушателя и (или) читателя.

В то время как литературные и надгробные надписи уже неоднократно становились объектом исторического и филологического исследования как в англоязычной, так и в отечественной практике [3–8], печатные эпитафии XVI в. до сих пор не были рассмотрены как особый комплекс источников. Между тем они могут дать исследователю обширный дополнительный материал, позволяющий анализировать аспекты восприятия

личности и ее связей с социумом в елизаветинскую эпоху.

Площадные эпитафии, как и баллады других жанров, печатались на одном листе, порой их сопровождала поучительная гравюра. На гравюре могли быть изображены мужчина или женщина на смертном одре в окружении семьи, или смерть-скелет со стрелой в руке, или встающий из гроба покойник, воскрешенный и очищенный от греха во Христе. Гравюры, таким образом, отражали три основных момента умирания, которые можно назвать личностными: прощание с остающимися жить, момент смерти и воскресение. Как будет показано ниже, текст эпитафии не касался подобных сюжетов, сосредотачиваясь не на переходе индивида в иной мир, а на реакции социума на смерть одного из своей среды. В отличие от баллад иных жанров, эпитафии не сопровождалась указанием на мелодию, которая подходила для их исполнения, а значит, предназначались скорее для чтения или декламации, а не для пения, что отражало серьезность события.

Также особой чертой баллад-эпитафий была значительно меньшая степень анонимности: из 38 печатных эпитафий елизаветинской эпохи, тексты которых нам известны, у 16 известно имя автора: это очень высокий процент сравнительно с балладами других жанров, практически сплошь безымянных. По видимости, эпитафия считалась, в отличие от баллады-песни, более серьезным и возвышенным сочинением, и авторы не стыдились поставить под ней свою подпись. Элевации площадной эпитафии в иерархии жанров способствовало то, что сочинение стихотворного отклика на смерть широко рассматривалось как последнее приношение умершему. Случалось, что после похорон какого-либо известного лица выходили сборники стихов в его память. Эти книги предназначались уже для зажиточной и образованной аудитории, и входили в них произведения известных литераторов, а также друзей и коллег покойного [3, с. 109–110]. Периодически появлялись поэтические антологии, также включавшие в себя эпитафии. Типичным примером может служить сборник *Songs and Sonnets*, традиционно называемый *Tottel's Miscellany*, выпущенный в 1557 г. и включающий в себя 20 эпитафий [9]. Интересно, что часть их принадлежит известным поэтам елизаветинской эпохи, таким как Генри Говард, граф Суррей или Николас Гималд, в то время как некоторые из эпитафий неизвестных авторов в том же сборнике – очевидные представители печатных баллад, видимо, угодившие вкусам составителя сборника.

На протяжении XVI столетия современники не проводили жесткой черты между литературной и площадной эпитафией, хотя определенные разли-

чия между ними и существовали. Литературная эпитафия несла в себе сильный оттенок личной скорби автора, и тон ей задавал рассказ о его переживаниях по поводу смерти близкого. Она создавалась для рукописного хождения в среде близких покойного или для помещения в поэтический сборник его памяти, что заставляло авторов тщательнее работать над глубиной содержания и совершенством формы эпитафии. Будучи обращенной исключительно к образованному читателю, литературная эпитафия обычно несла в себе больше стилистических отсылок к классическим латинским эпитафиям, а также образам из античной мифологии и истории [10, с. 9–10]. В XVII в. пути литературной и площадной эпитафий окончательно разошлись, однако в XVI в. они еще были взаимосвязаны, порой эти тексты сочинялись одними и теми же авторами, а образы, мысли и стихотворные приемы довольно свободно кочевали из одного вида эпитафий в другой.

Печатные эпитафии, насколько можно судить, существовали в Англии еще в начале XVI в.: так, известно о подобных текстах на смерть принца Артура, брата Генриха VIII, а также Маргариты Тюдор, их старшей сестры. Начиная с 1557 г. появляется источник, позволяющий более полно проследить историю книгоиздания в Англии, это Реестры компании книгоиздателей [11]. В Реестры вносились данные обо всех лицензированных печатных изданиях, в том числе о балладах. Исследование Реестров дает нам названия 63 баллад-эпитафий за период с 1557 по 1603 г. (до смерти Елизаветы Тюдор, которая породила отдельную волну баллад об ушедшей королеве и ее преемнике). Заметно, что жанр не терял популярности на протяжении половины столетия: эпитафии появлялись каждый год в большем или меньшем числе. Их количество стабильно гораздо ниже, чем количество смертей видных горожан и знати: так, в дневнике Генри Мачина начиная с 1551 г. и за 13 последующих лет упомянуто более 40 похорон лондонских олдерменов [12]: эпитафий из этих 40 удостоились считанные единицы.

Однако хорошо известно, что данные Реестров неполны: не все книгоиздатели регистрировали баллады, избегая оплаты лицензии на них, не все клерки компании книгоиздателей внятно записывали заглавие, порой просто упоминая имя книгоиздателя и количество принесенных им баллад. В частности, до наших дней дошло почти два десятка баллад-эпитафий XVI в., которые не значатся в официальных списках. Таким образом, можно предположить, что за период правления Елизаветы Тюдор было издано более сотни баллад-эпитафий, разошедшихся в неопределенных количествах экземпляров. Количество копий одной баллады –

спорный вопрос, исследователи обычно придерживаются широких рамок: от нескольких десятков до тысячи экземпляров. Кроме того, популярные баллады многократно переиздавались на протяжении многих десятилетий, что, однако, не применимо к балладам-эпитафиям, которые появлялись однократно к моменту похорон упомянутых в них лиц.

Круг лиц, чья смерть могла привести к появлению печатной эпитафии, не ограничивался особами королевского рода. В него попадали видные лица из числа придворной знати, а также придворные дамы, епископы, представители городской верхушки и просто популярные горожане: мэры и его супруги, олдермены, купцы, проповедники, военные капитаны. Иными словами, первичную роль в появлении такой баллады играл не столько социальный статус (далеко не все члены Тайного совета и представители высшей знати удостоились такого текста), сколько популярность покойного в Лондоне и стране. Поскольку издатели стремились заработать на своих текстах, баллада-эпитафия появлялась очень быстро после смерти своего героя и нередко продавалась прямо во время похорон, где стечение народа обеспечивало большое количество заинтересованных покупателей. В большинстве случаев проходило от двух недель до месяца между моментом смерти и появлением баллады, этот срок соответствует временному отрезку между смертью и похоронами знатных англичан этого периода.

Любопытен гендерный аспект площадных эпитафий: баллады памяти женщин встречаются не так уж редко, составляя примерно одну пятую от общего количества известных нам эпитафий. Причем лишь в некоторых случаях популярность умершей даме обеспечивает титул или должность ее супруга, как было в случае с супругой мэра, скончавшейся в 1570 г. Автор, Джон Филлип, озаглавил свою балладу: «Эпитафия на смерть добродетельной матроны леди мэриши, покойной жены достопочтенного лорда Александра Оэнета, лорд-мэра города Лондона, умершей июля 7 дня 1570 года» и описал ее добродетель, а также горькие слезы ее супруга, слуг и бедных, которым она помогала. Однако даже имя собственное покойницы он не упомянул [13, с. 178–179]. В других же примерах личность покойной явно играла роль – либо в силу ее высокого происхождения и положения, как в случае графини Леннокс [14], либо в силу сочетания ее должности и личных достоинств – так, близость к двору и ученость выделили леди Ноулз [15]. Собственно, принцип появления как мужской, так и женской печатной эпитафии был один и тот же: покойный и его похороны должны были представлять некий интерес для широкого

круга читателей – прежде всего, конечно, жителей Лондона.

Точно так же, перечисляя добродетели покойных обоюбого пола, авторы печатных эпитафий неизменно повторяли одинаковый их набор. Прежде всего это милосердие и помощь нуждающимся – как в деньгах, так и в деловом совете (что включало в ряды благодетельствованных и бедняков, и бездомных, и землевладельцев, ищущих покровителя в суде, и советников королевы, решающих сложные государственные вопросы). Затем – добрый нрав, включающий в себя и умение не наживать врагов, и христианскую кротость, и выполнение долга перед семьей и своим делом. Приверженность истинной вере – протестантизму, искреннее и серьезное исповедание веры. И, наконец, «профессиональные» добродетели: военный – доблестный командир, епископ – скромный и внимательный пастырь, придворная дама – верная помощница королевы, купец – умелый и знающий торговец.

Важно подчеркнуть: печатная эпитафия всегда выдвигает на первый план важность покойного для социума, трактуя его соответствие своим социальным функциям как личное достижение. Причем «социум» авторы баллад-эпитафий трактуют предельно расширительно – как весь народ Англии. Формирование памяти об умершем строится в первую очередь не на том, насколько незаменим он был для семьи и близких (которые упоминаются часто, но далеко не в каждой эпитафии) или для ближайшего круга друзей, коллег и людей общего с ним социального статуса, а для людей вообще и для государства. Таким образом, любая личность в печатной балладе-эпитафии приобретает значение более широкое, чем допускает ее конкретное место в социальной иерархии; личность включается в общенациональный контекст. Интересно, что это в известной степени расходится со смыслами погребальной церемонии, которая в елизаветинскую эпоху была прежде всего нацелена на демонстрацию незыблемости социального порядка и сплоченность общины, корпорации, сословия перед лицом смерти, вырывающей людей из ее среды, на четкое указание места покойного в иерархической лестнице титулов и рангов [16, с. 189]. Однако это не столько противоречие, сколько дополнение: покойный и в ритуале, и в печатной балладе-эпитафии XVI в. предстает в первую очередь публичной фигурой.

Как уже говорилось выше, следы социальной стратификации в площадной балладе-эпитафии могли отразиться лишь в сфере, связанной с профессиональной деятельностью умерших, хотя не всегда отражались. Эпитафия мэра Лондона и владетельного графа могли быть построены таким

образом, что, не зная, в честь кого они написаны, мы не сможем по содержанию отличить одного от другого, поскольку выражение общей скорби и идеальный облик «достопочтенного» человека, христианина и подданного авторы печатных баллад слабо маркируют указаниями прижизненного статуса.

Однако невозможно сказать, что печатная эпитафия стришет всех под одну гребенку, превращая своих персонажей в сухие символы. Напротив, будучи написана для круга людей, лично сталкивавшихся если не с покойным, то с его деятельностью, знакомых с его репутацией, баллада ищет путь между узнаваемым портретом и культурно-заданным идеальным образом. И в этом, безусловно, проглядывает явная связь с личной, не социально-ангажированной памятью.

Как правило, это выражается в сдержанных попытках индивидуализировать покойного. Это могут быть проскальзывающие время от времени черты индивидуального телесного облика – так, эпитафия Ричарда Гудрика завуалированно указывает на его хромоту или паралич: в ней говорится, что покойный, не владеющий возможностью пользоваться ногами, ступая по земле, теперь может свободно перемещаться на небесах [17, с. 29–30]. Это могут быть особенности поведения, знаний, умений покойного: так, про купца Фрэнсиса Бенисона из его эпитафии мы узнаем, что он владел французским и голландским языками, а также умел оперативно реагировать на события, что проявлялось в его торговой деятельности: он быстро и точно принимал деловые решения [18]. Также он был, вероятно, прижимист, поскольку в его эпитафии, едва ли не единственной из всего корпуса источников, не упомянута никакая помощь бедным и сочувствие нуждающимся – вся благотворительность, которой его можно было помянуть, сводилась к удачным деловым советам партнерам. Это не помешало автору баллады найти массу других достоинств в покойном и выразить уверенность в том, что Фрэнсис Бенисон, безусловно, божий человек, и душа его спасена. Брачный статус – например, повторные браки вдовы – отнюдь не является одним из топосов идеальной женщины в елизаветинскую эпоху, но некоторые эпитафии упоминают и его, как в балладе памяти Хелен Брэнч [19], причем вполне одобрительно. В жизненных ситуациях, где реальный облик покойного не соответствует идеальному, авторы печатных эпитафий словно не замечают противоречий и тем или иным приемом стараются затушевывать их.

Стремясь представить умершего вне жестких социальных рамок, как доброго человека, подданного и христианина, авторы баллад выступали не

от своего имени (как поступали обычно авторы эпитафий литературных), а от имени всех англичан, христиан, людей – фактически от лица всех потенциальных читателей баллады, объединяясь с ними в местоимении «мы». Так, в эпитафии на смерть сэра Ричарда Гудрика (1562) об этом достойном муже скорбит все королевство [17, с. 29], о сэре Фрэнсисе Уолсингеме (1590) «плачет народ Англии» [20], Маргариту Дуглас, графиню Леннокс (1578), провожают совместным скорбным стоном «двор и город» [14]. «Ни слез не хватит, ни вздохов, чтобы оплакать нашу потерю» [21], «следовать его доброму примеру мы все желаем» [18] – постоянно встречающееся в эпитафиях авторское «мы» распространяется на всех без исключения людей.

И это стремление к расширению круга причастных к смерти любого видного лица в королевстве, которые скорбят от общей потери и желают душе покойного спасения, сочетается с укреплением национального чувства. Это укрепление происходит неотрафлексированным для авторов эпитафий и, вероятно, для их читателей: жанр эпитафии в целом не предполагает поднятия национальной темы, если речь не идет о государственном деятеле или герое войны. Тем не менее олицетворенные «Англия», «королевство», «страна» регулярно встречаются среди персонажей, оплакивающих покойного вне зависимости от его пола и статуса. Мотив защиты страны и содействия ее процветанию встречается не только в эпитафиях воинов и политиков, но и в эпитафии купцов. Уже упоминавшийся выше Фрэнсис Бенисон, говорит нам автор эпитафии, «как многие купцы этой страны, пока был жив, увеличивал королеве ее коронные доходы со всем старанием, с самой юности преданный этой службе» [18]. Торговля и выплата налогов, судя по этим строкам, кажутся автору столь же важными и достойными делами на благо страны, как и государственная служба. Подобная мысль для конца XVI в. не является новой, однако здесь мы видим ее проникновение в сознание широких кругов социума.

Таким образом, печатная площадная баллада-эпитафия, нацеленная на широкий круг городских жителей, стремилась зафиксировать память об умерших как о членах «большого» социума, не ограниченного рамками их сословия или корпорации. При этом она довольно часто встраивала индивидуальные черты покойных в нарисованный ею образ достойного человека. И все же главным стремлением печатной баллады-эпитафии было формирование чувства единения всех потенциальных читателей в скорби по умершему и надежде на спасение его души, в ощущении себя частью единого целого, «народа Англии».

Список литературы

1. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
2. Litten J. The English Way of Death: The Common Funeral Since 1450. L.: Robert Hale Ltd, 2007. 272 p.
3. Bennett A. L. The principal rhetorical conventions in the Renaissance Personal Elegy // *Studies in Philology*. 1954 Apr. Vol. 51, № 2. P. 107–126.
4. Brady A. English Funerary Elegy in the seventeenth century: Laws in Mourning. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 265 p.
5. Sherlock P. Monuments and Memory in Early Modern England. N. Y.: Routledge, 2016. 296 p.
6. Арутюнян Э. Б. Эпитафия У. Шекспира как пример преемственности жанров в текстах эпитафий // *Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2010. № 124. С. 171–177.
7. Горностаева Н. А. Эпитафия как отражение отношения общества к смерти (на материале англоязычных эпитафий) // *Известия Самарского науч. центра РАН*. 2011. Т. 13, № 2. С. 136–138.
8. Шарлаимова Г. Т. Эпитафия в англоязычной лингвокультуре // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе*. Хабаровск, 2015. С. 277–282.
9. English Reprints. Tottel's Miscellany Songs and Sonnets / ed. by E. Arber. L.: Bloomsbery, 1870. 320 p.
10. Draper J. W. The Funeral Elegy and the Rise of English Romanticism. N. Y.: Routledge, 1967. 358 p.
11. A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554–1640 / ed. by E. Arber. Vol. 1–5. L.: Privately printed, 1875. P. 94.
12. Machin H. The Diary of Henry Machin, Citizen and Merchant-Taylor of London, from 1550 to 1563 / ed. by J. G. Nichols. L., N. Y.: AMS Press, 1968. 530 p.
13. An Epitaph on the death of the virtuous Matrone the Ladie Maiorese, late wife of the right Honorable Lorde (Alexander Auenet,) Lord Maior of the Citie of London, who deceased the vii daie of July, 1570 // *A Collection of Seventy-Nine Black-Letter Ballads and Broad-sides, Printed in the Reign of Queen Elizabeth* / ed. by Joseph Lilly. L., 1870. 370 p.
14. An Epitaph on the death of the right noble and most vertuous Lady Margarit Duglasis good grace, Countisse of Livinox. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32417/image> (дата обращения: 15.11.2017).
15. Epitaph upon the worthy and Honorable Lady, the Lady Knowles. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32409/image> (дата обращения: 15.11.2017).
16. Gittings C. Death, Burial and the Individual in Early Modern England. L. Sydney: Croom Helm, 1984. 269 p.
17. An Epytaph upon the Death of M. Rycharde Goodricke Esquire // *Broadside Black-letter Ballads Printed in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Ed by J. P. Collier. L.: Thomas Richards, 1868. 166 p.
18. An Epitaph of Maister Fraunces Benison Citizene and Marchant of London, and of the Haberdashers Company. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32086/image> (дата обращения: 15.11.2017).
19. A commemoration of the life and death of the right worshipfull and virtuous ladie: Dame Helen Branch // *Early English Books*. URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A09581.0001.001?view=toc> (дата обращения: 15.11.2017).
20. A memorable Epitaph, made upon the lamentable complaint of the people of England, for the death of the right honorable Sir Frauncis Walsingham Knight: principall Secretarie of Estate, Chauncellor of her Majesties Court for the Dutchy of Lankaster, and one of her highnesse most honorable privie Councell. URL: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32407/image> (дата обращения: 15.11.2017).
21. The Epitaph of the honorable Earle of Penbroke, Baron of Cardiffe, and Knight of the most Noble order of the garter. Who dyed Lord stueward of the Queenes majesties houshold, and of her privie counsell. URL: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32150/image> (дата обращения: 15.11.2017).

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: karnach2005@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.12.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-137-142

16TH CENTURY ENGLISH BROADSIDE EPITAPHS AND SHAPING OF HISTORICAL MEMORY

N. V. Karnachuk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Characteristics of printed broadside epitaph are given in the article and a brief outline of its existence in the late 16th century is presented together with some notions about its place among other texts and rituals that shaped the final memory about the deceased. More consideration is given to the fact that there are genre similarities and distinctions between broadside epitaphs and literary funeral elegies of the period, elegy being more refined according to the standards of classical education and more personalized. It is shown that compared to epigraphic epitaph and funeral elegy broadside epitaph still has not got sufficient attention in historical research as a specific part of memorial

literature, the article trying to fill up the gap. Resources of broadside epitaph in shaping the memory of a person are discussed, also some particular occasions of individual memorization are noted, though in general broadside epitaphs are shown as texts that were aimed to construction of communal memorization and communal solidarity. Some social, gender and national features most characteristic to depiction of the deceased in broadside funerary ballad of Elizabethan England are explored. Also the place of these features in the value system of the English society in late 16th century is shown.

Key words: *Early Modern England, social history, history of memory, broadside literature, epitaph.*

References

1. Riker P. *Pamyat, istoriya, zabveniy* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004. 728 p. (in Russian).
2. Litten J. *The English Way of Death: The Common Funeral Since 1450*. L., Robert Hale Ltd, 2007. 272 p.
3. Bennett A. L. The principal rhetorical conventions in the Renaissance Personal Elegy. *Studies in Philology*, vol. 51, no. 2 (Apr. 1954), pp. 107–126.
4. Brady A. *English Funerary Elegy in the seventeenth century: Laws in Mourning*. N. Y., Palgrave Macmillan, 2006. 265 p.
5. Sherlock P. *Monuments and Memory in Early Modern England*. N. Y., Routledge, 2016. 296 p.
6. Arutyunyan E. B. Epitafiya U. Shekspira kak primer preemstvennosti zhanra epitafiy [Epitaph on W. Shakespeare as an example of continuity in epitaph genres]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertzena – Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities and Science*, 2010, no. 124, pp. 171–177 (in Russian).
7. Gornostaeva N. A. Epitafiya kak otrazheniye otnosheniya obshchestva k smerti [Epitaph as a reflection of society's attitude toward death]. *Izvetiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 136–138 (in Russian).
8. Sharlaimova G. T. Epitafiya v angloyazychnoy kul'ture [Epitaph in English-speaking culture]. *Yazyk i kultura: voprosy sovremennoy filologii i metodiki obucheniya yazykam v vuze* [Language and Culture: Issues of Modern Philology and Methods of Teaching Languages in the University]. Khabarovsk, 2015. Pp. 277–282 (in Russian).
9. *English Reprints. Tottel's Miscellany Songs and Sonnets*. Ed. by E. Arber. L., Bloomsbery, 1870. 320 p.
10. Draper J. W. *The Funeral Elegy and the Rise of English Romanticism*. N.Y., Routledge, 1967. 358 p.
11. *A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554–1640*. Ed. by E. Arber. Vol. 1–5. L., Privately printed, 1875. Pp. 94.
12. Machin H. *The Diary of Henry Machin, Citizen and Merchant-Taylor of London, from 1550 to 1563*. Ed. by J. G. Nichols. L., N.Y., AMS Press, 1968. 530 p.
13. An Epitaph on the death of the virtuous Matrone the Ladie Maiorresse, late wife of the right Honorable Lorde (Alexander Auenet.) Lord Maior of the Citie of London, who deceased the vii daie of July, 1570. *A Collection of Seventy-Nine Black-Letter Ballads and Broad-sides, Printed in the Reign of Queen Elizabeth*. Ed. by Joseph Lilly. L., 1870. 370 p.
14. *An Epitaph on the death of the right noble and most vertuous Lady Margarit Duglasis good grace, Countisse of Livinox*. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32417/image> (accessed 15 November 2017).
15. *Epitaph upon the worthy and Honorable Lady, the Lady Knowles*. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32409/image> (accessed 15 November 2017).
16. Gittings C. *Death, Burial and the Individual in Early Modern England*. L., Sydney, Croom Helm, 1984. 269 p.
17. An Epytaph upon the Death of M. Rycharde Goodricke Esquire. *Broadside Black-letter Ballads Printed in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Ed by. J. P. Collier. L., Thomas Richards, 1868. 166 p.
18. *An Epitaph of Maister Fraunces Benison Citizene and Marchant of London, and of the Haberdashers Company*. URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32086/image> (accessed 15 November 2017).
19. *A commemoration of the life and death of the right worshipfull and virtuous ladie: Dame Helen Branch*. *Early English Books*. URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A09581.0001.001?view=toc> (accessed 15 November 2017).
20. *A memorable Epitaph, made upon the lamentable complaint of the people of England, for the death of the right honorable Sir Frauncis Walsingham Knight: principall Secretarie of Estate, Chauncellor of her Majesties Court for the Dutchy of Lankaster, and one of her highnesse most honorable privie Councell*. URL: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32407/image> (accessed 15 November 2017).
21. *The Epitaph of the honorable Earle of Penbroke, Baron of Cardiffe, and Knight of the most Noble order of the garter. Who dyed Lord steward of the Queenes majesties houshold, and of her privie counsell*. URL: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32150/image> (accessed 15 November 2017).

Karnachuk N. V., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: karnach2005@yandex.ru